

АБДУРЕИМ АЛТАНЛЫ
ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

АБДУРЕИМ АЛТАНЛЫ

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

СТИХИ

Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма
Т а ш к е н т — 1976

Перевод с крымско-татарского Владимира Цыбина

Алтанлы А.
Вечный огонь. Стихи. (Пер. с крым.-татар. В. Цыбина, Вступит.
статья В. Благодравова). Т., Изд-во литературы и искусства, 1976.
104 с

В сборник стихов старейшего крымско-татарского поэта Абдуренма Ильяса Шейхзаде (Алтанлы) вошли стихи разных лет. Поэта заботят судьбы мира, будущее людей. Он пишет о любви к Родине, к партии Ленина, размышляет о смысле жизни, общественном назначении человека.

С(Крым-Тат.)2

А $\frac{70403-000}{352\ 06 - 76}$ 50—76

|

(С)Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма,
1976 г.

АБДУРЕИМ АЛТАНЛЫ

Его лицо—из тех, за которыми охотился Поль Сезанн: мощное, лобастое, необычайно сосредоточенное—грубое, как скала, сработанное степью и солнцем, морем и ветром...

Его руки — они тяжелы и неуклюжи, как крестьянские утюги... Но вот в них глубоко и покойно утопает крохотный карандаш — и потянулись длинные, ломаные, витиеватые линии... Это кряжистый, суровый и добрый старик дописывает свою поэму. Только какую из них? «На берегах старого Анхора» или «Девушки, Туркмении»? Поэму-сказку «Авиценна»? А может, это статья об Асане Чергееве? А может быть, это лирика?..

Он видел Александра Блока и слушал Сергея Есенина, он соприкасался с «кузнецами» и «неистовыми ревнителями», с Павлом Васильевым и Назымом Хикметом... Он переводил на родной язык произведения Владимира Маяковского, в том числе поэмы «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!», стихотворения «Левый марш» и «Прозаседавшиеся», «Разговор с фининспектором», «Стихи о советском паспорте»...

А было так...

На заре века он остался без родителей. Жизнь столкнула Абдуреима Ильяса с добром и злом несладкой сиротской доли, с неуютностью и горечью роли «несчастливого»...

Судьба уводит Абдуреима Ильяса из родного дома, от братьев, что договорились отправить его в духовную семинарию... Семнадцатилетний юноша становится наемным рабочим, батраком крупных крымских садовладельцев-помещиков.

Затем — служба в царской армии, участие в июньском наступлении 1917 года, ранение, контузия...

Начинающий поэт попадает в лазарет «Великан» — Москва, улица, с названием которой для нас ассоциируется имя Маяковского, — Мясницкая... Так Абдуреим Ильяс волею войны попал в край поэта, чьи стихи он впервые услышал несколько позже...

Школа жизни — учеба в Институте живых восточных языков, на рабфаке Московского межевого института, на педфаке 2-го МГУ, сопряженная с трудом сторожа, стеклографа, делопроизводителя, литсотрудника газеты — не прошла даром для молодого поэта. Она шлифовала его идейную убежденность и непримиримость, она укрепляла веру в собственные силы, в свою полезность создающемуся миру...

К десятилетию Октября Абдуреим Ильяс пишет повесть в стихах «Трактор». Она получает вторую премию на конкурсе, выходит отдельным изданием.

В 1929 году Абдуреим Ильяс издает сборник стихов «Огненные строки», в 1932 году — сборник «Шаги роста» и книгу поэм «В годы победы».

Шли годы... Алтанлы принимает из рук Максима Горького членский билет (№ 1004) Союза советских писателей. Издает сборник «Эта эпоха», печатает стихи, рассказы, очерки, переводы.

В трудные годы Великой Отечественной войны Абдуреим Ильяс не прекращает каждодневного творческого труда. В Узбекистане А. Алтанлы выпускает книгу стихов «Для тебя, моя партия», пишет большую стихотворную повесть «Крылатая моя радость», повести «На чужой роток не накинешь платок», «Намерение» и другие.

Многие самаркандцы помнят Абдуреима Ильяса как учителя, директора фундаментальной библиотеки, старшего лаборанта кафедры литературы СамГУ им. А. Навои...

Десять оригинальных сборников стихов и три книги поэтических переводов — с таким «багажом» подошел Абдуреим Ильяс к своему 70-летию, которое широко отмечалось читательской общественностью Узбекистана. Коммунист с 40-летним партийным стажем, член СП СССР с 1934 года, поэт А. Алтанлы удостоен почетного звания «Заслуженный работник культуры УзССР». Знаменательной дате был посвящен и выпуск большого однотомника «Мои следы» (1970), составленного из стихов разных лет. В 1974 году выходит его поэма-сказка «Амет-палван».

В недалеком будущем старейший крымско-татарский поэт А. Алтанлы отметит свое 80-летие. Это возраст мудрости. Это возраст Николая Тихонова и Алексея Суркова, Павла Антокольского и Виктора Шкловского — больших мастеров русского художественного слова, у кого учился и кого довелось лично видеть и слышать в «такую короткую долгую жизнь» Абдуреиму Алтанлы...

ВЯЧЕСЛАВ БЛАГОНРАВОВ,
кандидат филологических наук.

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

ПИСЬМО К ВНУКУ

«Нынешнее поколение советских людей
будет жить при коммунизме».

Из Программы КПСС

Здравствуй, внук мой,—завтрашнего дня

Житель,

продолжение меня!

Вглядываясь в будущие дали,

Где не будет горя и печали

На твоём лице, как небо, чистом,

В сердце, ставшем солнышком лучистым.

В радости твоей ни капли тени.

«Слушай, молодое поколение,

Пусть с тобой пребудет счастье вечно!» —

Время говорит тебе сердечно.

Знай же, поколение молодое:

Было время яростное, злое,

За тебя,

за родину мы свято

Исполняли правый долг солдата.

Верьте: мы не знали в битвах страха.

Поднимали города из праха,

Как велел Ильич, стремились к свету,

К солнцу повернули всю планету.

Знай, бутон родного Гулистана,

Думал я: «Зачем родился рано?»

Все ж тянусь в грядущее

побегом,

Радуюсь успехам и победам.

Радуюсь я будущим рассветам,

Верный светлым ленинским заветам.
Это мы сквозь горечи и беды
Все же дошагали до победы.
А потом трудом мы дописали
Гимны на победные скрижали.
Внук мой, знай —

одним душа горела:

Сделать так, как партия велела.
Внук мой, ты пока еще мальчишка
С промокашкой, сумкою, пеналом,
Все, о чем тебе расскажут книжки,
Сделай своей целью, идеалом.

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Ташкент...

Вокзал...

И весь в густой листве
Над толчеей людскою вознесен
Могучий обелиск... А на плите
На мраморной —
Четырнадцать имен.
Не смоем дождик, ветер не сотрет,
Горит огонь петленный перед ним,
Нет, не потухнет он и не умрет —
Огонь, что мы в сердцах своих храним.
Я шапку снял, волнения не уйму,
Я нес любовь издавека к нему.
Четырнадцать имен большевиков...
Я слышу,
Как из прожитых годов
Они сюда пришли, сюда пришли,
И эхо их шагов — в шагах земли.
Отважные я вижу их черты
И у подножья — свежие цветы.
В глазах их —
вера в радостные дни.
Посланцы Ильича — вот кто они!
В шагах страны мне слышится их шаг.
И зоркость внуков вижу в их глазах...
Четырнадцать героев узнаю,

Пред ними,
 как пред вечностью, стою.
И пламя возле мраморной плиты —
Как знак неистребимой правоты.
Тот свет, что над землей они зажгли,
Сегодня виден людям всей земли...
Кладут на холод мраморной плиты
Сегодняшние школьники цветы.
Не камнем, нет,
А стали вы огнем,
Вы—в сердце поколений и моем.
Любовь людей сродни огню, цветам.
Такой огонь
Не погасить векам!..

У МОГИЛЫ СОЛДАТА

Квадратная железная ограда
Вблизи дороги и за ней — плита.
Прийти сюда вдове-старушке надо:
Грусть безутешна и печаль светла.

Издалека пришла она к могиле
Того, кто мир спасал
и спас меня.

Плиту сегодня сосны окружили,
Фонтан поднялся, брызгами звеня.

О, сколько же прошло за годы эти
Людей, чтоб поклониться и не раз
Солдату,
для которого, как дети,
Все люди мира,
все, кого он спас.
Вот и сейчас — в цветах могила эта,
В цветах, оберегающих покой.
Звенит фонтан, шумит листва от ветра,
Шумящая о верности людской.

Израченная пулями планета,
Тебя он спас, тебя он защищал...
И видел много я могил, как эта,
В местах, где все живое сек металл.

Я слышу голос мертвого героя:
— Да, я погиб... Нас тысячи во мгле,
Чтобы земля извела покой,
Чтоб счастье утвердилось на земле!

Квадратная железная ограда
Вблизи дороги и—за ней плита.
Святая память — вечная награда
Тому, кто здесь остался навсегда.

БРАТСКАЯ МОГИЛА

Изваян из камня солдат молодой,
Над братской могилой склонился недвижно,
И красное знамя литой бахромой
К гранитной плите прислонилось неслышно.

Ее обступили леса и леса,
Как будто солдаты в шинелях зеленых.
В тиши окликают листвы голоса,
Как песней
погибших бойцов поименно.

Ни стужа, ни зной, ни стальная метель
Отважных советских солдат не страшили,
И слушают
песню победы теперь
Солдаты,
лежащие в братской могиле.

И с русскими вместе в бой яростный шли
Татары, таджики, казахи, узбеки
И вместе Европу спасли и легли,
Обнявшись друг с другом,
навек, навеки...

Отчизна, нас много таких, как они,
На знамени нашем развернутом —
Ленин!

Сюда, где горят над могилой огни,
Придем, постоим,
 преклонивши колени.

Цветы на могиле героев лежат —
Знак вечной любви
 всех живущих на свете.
И я перед памятью павших солдат,
Пред миром спасенным,
 пред жизнью — в ответе...

Пусть годы суровые скрылись во мгле,
Но вечная память — героям награда.
За то, чтобы вечно был мир на земле,
Я жизнь свою тоже
 отдам, если надо!..

МОЙ ДРУГ

*Играту Кадыру поэту-офицеру,
погибшему в Отечественной войне.*

Мой друг, сегодня вспомнил я тебя,
Ты вновь ко мне протягиваешь руки,
И вновь в мои глаза глядишь, скорбя, —
Проснулась в сердце снова боль разлуки.

В руке лопата... Пшениный сун парит...
Хозяйки крик...
Затянутый ремнями,
Веселый и молоденький джигит...
Все — словно в кинокадре — пред глазами.

Казалось нам, они давно ушли,
Былых разлук и испытаний сроки.
Как веселиться мы тогда могли!
Как песенные складывали строки!

Но черной тучей на мою страну
Враг напал, и небо стало мглистым.
И ты сказал: «Иду я на войну!»
Так мне велело сердце коммуниста.

Привык ты свято исполнять приказ
Своей страны и партии любимой,
Когда же грянул испытаний час,
Ты движим был любовью к ним единой.

«Мы часовые родины!» — слова
В жестоких испытаниях ты исполнил.
Не отступил — ведь позади Москва
Была тогда..
Таким тебя и вспомнил.

Мой друг, тебя я вспомнил наяву,
Проснулась в сердце боль разлуки снова,
В моих ушах—твой голос,
Твое слово.
Я на земле, что ты любил, живу!

Д Ж И Г И Т

Механизатору Насипу Бекирову

На шахтах, заводах, фабриках
И на чужих полях
Мы при царе проливали
Пот свой. И каждый был паг.
Тот, кто дает работу —
Тот денежки знай гребет...
Но знали мы, твердо знали,
Что счастья пора грядет.

Сегодня улыбку вижу
Я на лице твоём.
Бедность и униженья
Остались навек в былом.
Радость, как половодье,
Светел грядущий путь.
Родина орденом Ленина
Твою украсила грудь.
Струится с Красного знамени
Над нами огненный свет.
Солдаты боев последних,
Солдаты больших побед.
Мы знаем: о наших победах

Всюду слава гремит.
Насип, для тебя нет слова
Верней, чем слово «джигит»!

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Варварка.

Дом писателей.

В зале людей до отказа,

Ждем.

Тихо.

Слышен даже мухи полет.

Всем нам знакомый

вошел человек — и сразу

Подняло нас,

как бурей.

И вот

Аплодисменты рухнули в зал,

словно поток

Ворвался в двери и окна.

Дрожит потолок,

Зал суживается —

аплодисменты по залу тараном,

Словно кто-то кулачищем

тяжелым

лупит по рамам.

Поэт огромен

на сцене узенькой,

Поэт

по больному горлу

проводит рукой,

И вот зазвучал
 штормовую музыкой
 Голос поэта,
 знакомый такой!
 Каждое слово
 подобно пуле
 Разило.
 И рифмы, как в карауле,
 Стояли
 над каждой его строкой.
 А он намечал иные дороги,
 А он подводил
 стихами итоги,
 Втиснув пульс свой
 в ритм громовой.
 Стихи его
 рефлектор надежд людских.
 В каждом ритме
 и рифме
 гордость за страну Ленина.
 Звучит «Во весь голос»
 на площадях городских.
 Так,
 как сердцем поэта велено.
 Вот и сегодня
 перед глазами
 Встает поэт
 во весь свой огромный рост.
 Ведь песня его —
 «Это штык и знамя»,
 И кажется —
 растет
 поэт
 головой
 до звезд!

Нашей яви чудесной

поэт не увидел

великий.

Но к нам

сквозь толщу суровых годов

Прорвались

рифм

твоих отточенных пикн,

И песни, и грохот

твоих

партийных томов...

КОГДА ТЕБЯ ВСПОМИНАЮ

Другу детства А. Сулейманову

В трубе рыдает ветер. Снег вокруг.
Трещат дрова...
И дед твой щедр на ласку,
Нам мастерит стрелу и меткий лук,
Дед, что любил рассказывать нам сказки.

Слова отца и матери твоей —
Как был я рад их каждому подсказу!
Нет для меня
их образов милей,
Которых я не забывал ни разу.

Родителей я в детстве потерял,
На мир глядел беспомощно, с мольбою.
Один, как перст, в потемках я блуждал—
И вот тогда я встретился с тобою...

Жизнь проходила наша в маяте,
Когда за корку хлеба мы трудились.
Мы разошлись с тобой...
И в пустоте

Надолго друг без друга очутились.
Но были мы больших надежд полны —
Художником ты стать хотел.
Поэтом

Хотел я стать... По кочкам и кюветам
Пролег наш путь, как будто путь войны.

В дни Октября исполнилась моя
Мечта —

и я студентом стал рабфака,
А ты свой путь окончил среди мрака...
Зову тебя стихом из забвения.

ОБЫЧНЫЙ ДОМ

П. И. Чайковскому

Обычный дом — ель да сосна растут невдалеке,
Закат, как золотой венец, на стекла окон лег.
Из Самарканда я сюда приехал,
И в руке
Держа кепчонку, не дыша,
ступил через порог.

Когда по комнатам немым я медленно шагал,
Как будто я не в дом вошел — в живой концертный зал,
Ведь голос музыки его
когда-то здесь звучал:
Как снег, растаяла печаль, и мир светлее стал.

В его мелодиях звучит шум ржи, лесов и рек,
И свист бурана, что в пути сдвигает валуны,
И песни русских ямщиков, и знойный «секиртмөк»,
И Волга, спрятавшая прыть в текучести волны.

В его мелодии вхожу, как в дом, и слышу я
Грусть полонянки, для кого без родины не жить,
И птицы счастья дальний зов, и пенье соловья.
И зов к свободе заревой,
И жажда в небо взмыть.

Обычный дом, обычный дом, но были рождены
Мелодии когда-то в нем, бессмертия полны,

Араб, индус и негров род — все ими пленены,
И вторит сердце им мое мелодией зурны.

Певучим звукам отдана всей жизни красота,
И я, внимая им душой, люблю весь мир сильней.
Внимает им родной Ташкент, Баку, Алма-Ата,
И повторяет их мотив Гавана и Сидней.

Обычный дом —

ель да сосна невядалеке растуt.

Маэстро, слышишь ли друзей далеких голоса?

В твой дом они тебе

свою любовь несут,

И отовсюду на меня глядят твои глаза.

СТАЛЬНОЙ ДЖИГИТ

Баллада

— Коммунисты не продаются!

(Из ответа руководителя тайландских коммунистов т. Руанса Ванглана маршалу Сарите Танариты)

В здании сумрачный коридор,
 тянутся без конца
Мрачные камеры вдоль него.
 И каждая — для бойца,
Для тех, кто лживую власть отверг —
 и здесь свой копчает век.
Но в самую мрачную заточен
Гордый, стальной человек.

Мерцают коптилки злой огонек.
Над решеткой висит рассвет.
Только два человека не спят,
Для них ныне ночи нет.
Пишет один, выбывая из сил.
Ненависть жжет глаза.
Другой — по камере взад-вперед
уже четыре часа.
Вдоль коридора свинцовый шаг.
Часовой их стережет.
Он мечтает о завтрашнем дне,
что за тюрьмою встает.
Завтра — отдых, завтра его
ждет постель и семья.
И входит радость в сердце ему,
вешней надеждой звеня.

Утром, когда в бетонной клетки
 отодвинут тугой засов,
Листы, что джигит стальной написал,
Достигнут своих адресов,
Как землетрясение, потрясут
 камеры — голоса.
Дрожит часовой, но ему с поста
 никак уходить нельзя.

...Однажды маршал в тюрьму пришел.
 Шутит: «Где новосел?»
Блестят позументы,
Камеру он
 хитрым взглядом обвел.
Встали охранники у дверей —
 верных солдат отряд,
Чтоб, если случится что,
 мог маршал выйти назад.

Вот к джигиту он подошел,
 взгляд свой вперил пустой.
И усмехнулся, и показал
 на второго бойца рукой:
«Он умирает... Он заживо сгнил.
 Он не хотел говорить.

А ты ведь молод еще, джигит.
 Тебе еще надо жить...»

Смеется джигит, Смотрит в глаза
 маршалу он в упор.

А маршал ему: «Жизнь — это клад.
 Все остальное — вздор».

Джигит сказал: «Если это все
 ты говорил всерьез,
То я плевал на высокий твой чин.
 Плевал и на твой вопрос».

«Маршал, — подумал он, — мертвец.
А коммунист — живой!
Кто ему силу такую дал?
И гордости столько дал?»
И в грудь часового надежда вошла,
теплая, как сандал...

А на заре раздался залп.
Расстрелян в упор рассвет,
И все же на кладбище до сих пор
джигита могилы нет.
Из каждой капли алой крови
героя, что пал за жизнь,
Таких, как он, стальных бойцов
тысячи родились.

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

Легенда

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Хотя прошло немало лет, как умерла ты, мать,
Но песня в грудь мою вошла —
И вспомнил я опять
Тебя, какою ты была, пред кем бессильна смерть...
Я сердце матери хочу в своих стихах воспеть.

I

Давно, в далекие года, что канули в туман.
Жила в селе старуха мать и с нею сын Асан.
А сын есть сын, хоть жил легко,
но все ж старуха мать
Ни в чем сыночку своему не смела отказать.
Гласят пословицы:
— Когда имеешь сына ты,
Не приучай к чужой еде его ты никогда,
Люби его, но не прощай ему неправоты
И перед ним не раскисай, как в лужице вода.
И не забудь, что для сынка, коль гнется, как трава,
Всегда нужны и похвала, и строгие слова...
Над матерью с отцом Асан имел такую власть,
Что за него они полезть могли в драконью пасть.
Лишь только б сын доволең был, ведь как-никак — один!
И знал Асан: в родном дому он вроде господин.
Асан усвоил, что ему ни в чем запрета нет:

На завтрак, ужин и обед—конфеты и шербет...
Но вот однажды день настал — отец погиб на войне,
И с той поры любила мать сына уже вдвойне.
Хоть потускнели у нее глаза от горьких слез,
Опять старается она, чтоб сын в достатке рос.
Бродил по городу Асан — ему запретов нет.
Увидел молодца,
Что был с иголки одет.
«Откуда этот человек? Видать, у всех в чести!
Не плохо было бы мне с ним знакомство завести!»
Какое дело молодцу до городских зевак,
И в горы молодца унес, как птица, аргамак.
Густая грива у коня пылала, как закат...
А взгляд Асана источал, казалось, боль и яд.
Хотя прошло немало дней, прошло, как миг, с тех пор
Но зависть черная ему все ж застилала взор,
И он поклялся, что найдет, отыщет молодца...

Прошел он горы и пески,
Все тропы до конца...
И вот Асана

молодец в свой приглашает дом:
«Входите к нам... Мы рады вам. Садитесь вот сюда».
Асан вошел, дом оглядел — оружие кругом,
И хлопнул в радости об пол он шапкой: «Это да!»

И говорят, что сорок дней с утра и дотемна
Гремел давул, гудел давул и вторила зурна,
Еды — по горло. Водки — во! — не перепить за год!
Но, как ни пьют, а молодец никто не перепьет.
Сияет золото вокруг, алмазы, серебро;
Лежит в тяжелых сундуках хозяйское добро.
Асан богатством восхищен, вновь шепчет: «Это да!»
И захотелось здесь ему остаться навсегда.

Тревожно:

— Как тебе, сынок? Не повредил чего?

Разбойники поражены, в глазах их меркнет свет:

Чем материнская любовь—

любви сильнее нет!

И пышноусый атаман услышал в сердце дрожь,

К Асану подступив, изрек:

«Предатель, ты умрешь!

Ведь не было еще таких злодеев среди нас!

Ведь тот, кто предал мать свою —

Он и друзей предаст!

Дешевле репы честь твоя, и совесть, и душа,

Не стоит преданность твоя, презренный, и гроша.

Как мы такого подлнца терпели до сих пор!

Эй, палача! Палач, где ты?

Скорей бери топор!

Ты должен голову отсечь, ты слышишь или нет?

А тело выбросить его шакалам на обед!»

Но сердце матери ему, тревоги не тая,

Сказало тихо:

«Сын умрет, но не воскресну я!

Кому нужны два мертвеца? Два трупа?

Потому

Ради меня жизнь подари ребенку моему!»

Пред сердцем матери главарь вдруг голову склонил:

«Уж так и быть,

считай, что жизнь ему я подарил!»

Собрав товарищей своих, промолвил атаман:

«Навечно этого юнца замуровать в зиндан.

А сердце матери его заройте на горе,

Чтоб видело рождение дня на утренней заре,

Чтоб вечно видело оно красу родной земли,

Чтоб люди добрые всегда
Поклон ему несли!...»

■

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

За шестьдесят с тех пор прошло, как мать я потерял,
О мама, в честь тебя твой сын
Легенду записал.
Я с трепетом произношу святое слово — МАТЬ.
Живу затем, чтобы любовь любовью оправдать.

Казалось мне, что прошлое — мираж.
А ты — как будто жаркий ветер дня.
Неужто не придешь на праздник наш
И радостно не позовешь меня?

Ты шлешь привет? Нет, ты не шлешь привет!
Неужто мимо в этот миг пройдем?
Всего лишь миг, но больше многих лет,
Где, брошенный в огонь,
Я стал огнем.

Родная, лишь вспомню тебя в тишине,
В груди просыпаются радости звуки.
Закрою глаза — и мерещится мне,
Что гладят лицо мое милые руки.

Кто я без любви? Опустевший сосуд?
Тревожное чувство равно пробуждёнью.
И песни молчат,
Соловьи не поют
Для тех, кто к ее не тянулся горенью.

Я думал уныло: «Уходят года...
Устал, постарел. Да и сердце устало».
Но в жизнь мою вдруг
Ты вошла навсегда,
И дум сиротливых на сердце не стало.

И встала ты рядом, и руки сплелись,
А сердце открылось тебе, как невесте,
Отважно шагнули мы в новую жизнь,
Мы вместе поем и печалимся вместе.

И снова я брошен в огонь, в непокой,
Лишь вспомню тебя—разлучаюсь с тоскою.
Закрою глаза —
И опять я с тобой,
За нежность плачу благодарной строкою.

ЕЩЕ ТОГДА

Неугомонной летнею порой
Пришел и я в совхоз свой молодой.
Стоят дома, словно солдатский строй,
И каждый дом прекрасен, как герой.

Ступив державно на крутой гранит,
Отлитый в бронзу, памятник стоит.
На Ленина смотрю я в тишине,
Мечтая о грядущем светлом дне.

Когда Ильич в дни Октября в Кремле
Склонился над декретом о земле, —
Он ясно видел борозды полей,
И розы эти, что снегов белей,
И этот парк, и весь в цветах гранит,
Фонтан, что ледяной водой звенит,
И светлый день, входящий в каждый дом,
И солнце, как подсолнух, над селом.

Он свет вернул навек на шар земной...
Зеленые поля передо мной
И солнечное спелое жнивье —
И сердце раскрывается мое!

РАЗДУМЬЯ

Задумался я в павильоне «КОСМОС» —
И вот былое встало предо мной,
И сердце вдруг настроилось, как компас,
На даль времен, покрытых сединой.

Вот первый огонек
 зажег лучину,
Иголка костяная шкуру шьет...
Вот пахарь, подрыхлив сохой равнину,
Идет по борозде земных забот.

Дикарь, в своей пещере ночевавший,
Возвысился до зодчего
 трудом,
Теперь он строит стоэтажный дом.
В работе вечно устали не знавший.

В грядущее мы распахнули двери,
Всем сердцем присягнувши Октябрю.
И если ты, джигит, в свой путь поверил —
Шагай смелей, найдя свою зарю.

Нам шар земной стал верной колыбелью —
Сегодня человек сошел с нее.
И космос стал для нас не просто целью,
Он властно входит в наше бытие.

И я стою, в раздумья погруженный —
Былое предстает передо мной.
В грядущее,
 в день светлый устремленный,
Словно корабль, отчалил шар земной.

Пройдут века —
И гимны вдохновенно
Еще сильнее прозвучат труду.
И понесем к иным мирам Вселенной
Мы Лениным зажженную звезду!

ДАВАЙТЕ, ДРУЗЬЯ!

Товарищам комсомольцам

Друзья молодые,
Близка моя старость,
И юность моя где-то в прошлом осталась,
Хотя получал я от старости письма —
Но молод душою по-прежнему я,
И жажду борьбы я,
И жажду я риска,
И в жизни, и в драке я с вами, друзья!

Не в двадцать, а в тридцать остался я молод.
Меня вдохновляет — и песня, и молот.
Вы юности знамя смелей подымайте,
Вы песнь запевайте —
И я подпою!
Давайте,
Давайте,
Смелей открывайте
К безбрежному счастью дорогу свою.

Давайте!
Не знайте в победах конца.
Давайте!
Сердцам открывайте сердца!
Мы — юность страны,
Ее мощь молодая.
И в тридцать усталости в жизни не зная!

Пушай мне за тридцать,
Но юность моя
Опять в неоткрытые манит края.

Нам доля досталась,
Нам песня досталась
В борьбе, чтоб разрушить угрюмую старость.
Друзья молодые,
Мы вьюги прошли,
Смели угнетателей с нашей земли!

Однако и ныне
Покоя не знайте,
Невежеству бой комсомольский давайте.
Смелее твердыни вражды разбивайте,
Вперед, в наступление —
Давайте,
Давайте!

НА РАССВЕТЕ

•

★ ★ ★

Ты меня не обижай своей насмешкой
И словам моим, запальчивая, верь,
Без тебя я жил когда-то неутешный,
Погляди в мои глаза — печаль развей.

Пели песни наши деды о любимых,
Жизнь нелегкую и долгую прожив...
О единственной тебе, неповторимой
Я слагаю этот песенный мотив.

НА РАССВЕТЕ

Когда пахнула ветерка прохладная струя,
Когда рассветом гребни гор до неба занавесило,
Смуглянку девушку вдали, в полях увидел я —
Она со смуглым пареньком шла и болтала весело.
Поля проснулись ото сна в рассветный ясный час,
Звенели птичьи голоса средь лиственной безбрежности.
— Добро пожаловать, друзья!

Спешим поздравить вас
С любовью первой, молодой, с рассветом вашей нежности
Счастливей вас нет никого на всей земле, друзья,
Глядите вы глаза в глаза, и вам не удивительно,
Что рядом

с грохотом комбайн выходит на поля,
И в пену белую, как танк, врывается стремительно.
Идут часы... Уже давно за полдень. И зенит
До дна каленою жарой, как печка, прокаляется.
И «белым золотом» густым дневная даль звенит,
И кажется, что ей вдали вновь эхо откликается.
Скатилось солнце с вышины, закончив труд дневной,
И парень с девушкой вдвоем к учетчику направились.
«Не побежден ли ныне я?»—вопрос томит такой.
Хотя за длинный, знойный день намучились, намаялись.
Темнеет. В звездах небосвод. Вновь на дороге пыль.
Домой спешат они вдвоем—в потемках тени сближены.
И громкой песней молодой озвучены и даль и ширь.
По белизне полей бегут степных закатов рыжины.

УВИДЕЛ ТЕБЯ

Тебя увидел я — и полюбил.
И ты в моей душе зажгла огни,
И сердце настезь я тебе открыл.
А горести былые — где они?

Ты в жизнь мою, словно весна, вошла.
Открыла мне неведомую даль,
И чтобы жил — ты силу мне дала,
И чтобы пел — ты прогнала печаль.

Любовью взятый в тесное кольцо,
Где б ни был я, певец твоей любви,
Ищу твои глаза,
Твое лицо,
В чужих чертах ищу
черты твои.

Тебя увидел — и навеки твой,
Навек теперь к тебе приговорен,
И жизнь моя, словно морской прибой,
И ясен надо мною небосклон.

Я радостью невиданной объят,
Отныне я исполнен новых сил.
И для меня единственный твой взгляд
Весь мир в себя вместил,
Всю жизнь мою вместил.

Любовью, а не цепью до конца
Возлюбленные связаны сердца.
А ты пришла в осенний жизни час —
В меня вошло сиянье милых глаз.
Хотя рожден, чтобы любимым быть,
Но без любви пришлось мне столько жить,
Хотя мне в кудри снег холодный лег —
Я все же был, как прежде, одинок.
Когда спокойно жизнь моя текла,
Когда душа не ведала тепла —
Любимая,
Тебя увидел я—
Наполнилась тобой душа моя.
Меня, кого огонь тоски сжигал,
Кто в поисках своей любви устал,
К себе ты привязала без цепей
И смело увела в простор степей,
Огнем любви ты сердце подожгла,
И осенью заря весны взошла!
Теперь когда мы вместе до конца,
Когда любовь наполнила сердца —
Я о тебе единственной пою,
И небо повторяет песнь мою.

Что б я ни говорил — ты отвечаешь «нет!»,
Как будто слов других не знала никогда.
Хочу тебя спросить я, нежностью согрет:
— Родная, отчего не говоришь мне «да»?
Иль ненависть? Иль гнев? Или каприз любви?
Тоскливо на меня глядят глаза твои.
Сказал бы неприязнь?.. А я боготворю,
Что б ни сказала мне.
«Да, будет», —

говорю.

Разлукам — вечный друг, с разлукой подружусь,
Я с радостью бывлой неужто распрощусь?
Так почему же
мы с тобою не дружны?
Неужто разгадать мы тайны не должны?
Противоречий всех неужто не смести?
Скажи — ведь к счастью есть еще пути.
Оно, как песня, без какой не жить,
Какую суждено
Лишь вместе нам сложить!..

Я ХОЧУ

Тебя я встретил на закате дня —
Сиянием ты встретила меня.
Дни отшумели, как хлебов прибой —
Мы и сегодня счастливы с тобой.

Чтобы, любви и радости полна,
Тобой вся жизнь была озарена
И чтоб тоской не обожгло сердца,
Хочу я жить, не зная дням конца.

Хочу, чтоб ночи превратились в дни,
Чтобы горели радостей огни,
Чтоб сплетники, как совы, в свете дня,
Заснули все.
Сгорели без огня,
Хочу, чтобы на жизненных путях
Любовь горела факелом в руках,
Хочу расплаты я для подлеца,
Чтоб наполнились теплом друзей сердца.
Тебя я встретил на закате дня —
Сиянием ты встретила меня.

Р О З А

Когда друг в друга влюбляются дети,
Дарят они, согласно примете,
Доброй, старинной,
Каленую розу —
Розу каленую, словно с мороза.

Черная роза — вестница ярости,
Желтая роза — разлука до старости,
Красная роза — вся на крови,
Белая роза — вестник любви!

Солнечный край мой, просторная даль,
Воздух прозрачный, как будто хрусталь,
Край, где вода и чиста и медова —
Роз золотистых цветенья густого.

В день Октября, ставший нашей судьбою,
Сын твой, отчизна, склонив пред тобою
Голову,
Дарит от нежности всей
Свежую розу, что снега белей.

Белая роза — дар отчего края,
Белая роза — любимица мая,
Белая роза — чиста, как роса,
Радует белым сияньем глаза,
Белая роза — подарок обычный,

В ней отражается предков обычай.
Радуюсь я, что народ приподнес
В день Октября
Тебе тысячи роз!

Родина-мать, эти розы возьми ты.
Звездные радости нашей орбиты
Вдаль пролегли.
И распахнута рань.
Белая роза — любви нашей дань.

ПОЙ, СОЛОВЕЙ

Пой соловей, пой, грусть мою гоня!
Чтоб сердце, словно море, бушевало,
Чтоб волновала песнь твоя меня,
Чтобы рука сама стихи писала!

Сычи — молчите!
Средь ночных ветвей
Глух и печален голос бессердечный,
О радости пой громче, соловей,
О зорях под звездой пятиконечной!

.

Р Я Д О М

Первая в небе восходит звезда
При полнолунье.
Как одинока она все года —
Вижу в раздумье.
Но, одинока, среди подруг
Ночью морозной,
Знает — появятся скоро вокруг
Новые звезды.
Около каждой бездушной звезды
Зябнешь до дрожи.
Все-таки, будто две капли воды,
Звездочки схожи.
Люди созвездиям этим сродни
Вроде... Но все же
Братья и сестры, даже они
Так непохожи!
Каждый влюбленный—только одну
Любит до муки.
Даже расставшись—в вечном плену
Он у разлуки.
Гаснет звезда негасимая в срок
Неповторимый.
Грустно любимой — и вот одинок
Сразу любимый!
Тихо клубится дымов пелена
Сонного луга.
Всходит звезда...
Одинока она —
Рядом нет друга...

Попробуй птицу выпустить зимой,
Она в простор не сможет улететь.

А я

о том, что грудь полна тобой,
Не научился даже в мае петь.

Давай воздвигнем памятник с тобой
В саду мы Гейне и любви святой,
Не старческой,

а вечно молодой,

И пусть к нему

влюбленные толпой

Приходят неизменную тропой!

С Л Е Д

Вот вышел я во двор —
Зима лежит, седа.
Дома плывут в простор —
Под парусом суда.
Слепит глаза мне свет.
Любуюсь на пейзаж —
Такое в десять лет
Увидишь только раз.

Среди снегов седых
Увидел след живой.
«А вдруг,—подумал вмиг,—
Оставлен след тобой?»

Ты душу обожгла,
Как обжигает снег,
И от меня ушла,
Оставив след навек.
Растает снег, глубок,
И с ним растает след,
Но тот, что в сердце лег,
Не исчезает, нет!
Не спрячешь в сердце дрожь.
Я верю — по весне,

Опомнишься, придешь
Когда-нибудь ко мне.
Но если вдруг, увы,
Пойму, что след погас,
Все ж песню о любви
Продолжит мой сааз.*

Сааз — национальный музыкальный инструмент.

В ТАКОЙ ВЕЧЕР

Гремит оркестр.
Вечер хоть куда!
Всех кружит вальс, всех кружит вальс, как замать.
И в старости он вспомнится, когда
Из юности доносит вести память.

Детсадовское детство позади,
И юность позади твоя,
И школа.
В жизнь не с пустой котомкой выходи,
Мир обживай с упорством новосела.

Вот парень.. Вот девчонка-егоза,
Семнадцать лет на вид им дашь едва ли,
И звонкие весь вечер голоса
Звучат неумоимо в школьном зале.

Гремит оркестр.
Кружит пары вальс,
На плечи им гирлянды лент упали.
И юное сиянье смелых глаз,
Когда девчонок приглашают парни.

Оркестр умолк — ясней сиянье дня,
Исчезли звезды тихо с небосклона,
И девушки с парнями, гомоня,
Расходятся по улицам влюбленно.

У Р Ю К

Когда весной урюк цветет,
Земля покрыта белизной молочной,
И пахнет воздух медом сот,
И раздается птичий звон немолчный.

Конец апреля. И урюк
Орехами лесными пахнет вкусно,
Когда все зелено вокруг,
Озарены глаза твои и чувства.

Начало лета. Посмотри,
В какие нарядился он обводы.
Чтоб зрел он —
от зари и до зари
Без усталы трудились садоводы.

Пощупай нежный пух на нем,
На нем, что брызжет спелым, желтым соком...
И кажется, покрыт огнем,
Покрыт он весь оранжевым натеком.

Спасибо, всем, кто поливал
В жару его,
кто охранял от зноя,
Чтобы огонь запылал
Под бархатной и влажной кожурою.

Когда весной урюк цветет
И над землей весны бушует вьюга
На севере, где снег идет,
Урюк, войди
 рассветами в дом друга.

Я видел,
Как тугой урюк
На север плыл, путь лету открывая,
И я сказал ему:
 — Мой друг,
Вези привет из солнечного края!

КУДА БЫ НИ ГЛЯНУЛ

Куда бы ни глянул — лишь дали и ширь,
Ни тучки на небе в пролете сухое,
Куда бы ни глянул — янтак да ковыль...
Степной солончак, размолоченный в пыль,
Белей полотна от палящего зноя.

Без лестницы быть забирается ввысь,
Каленые ветры по полю гуляют,
И губы мои от огня запеклись,
И легкие тлеть от жары начинают.

Сюда, где хозяином знойной земли
Был суслик пугливый,
В простор безоглядный,
В целинные дали весну привели,
Укрыли ее одеялом прохладным.

Отныне здесь царствуют песни и труд.
Даль гулом машин навсегда раскололась,
Куда бы ни глянул —
Палатки встают
И золотом дня наливается колос.

СКАЛА КОКТАШ

Здесь высокие горы, вписавшись в пейзаж,
Вознеслись в небеса. Выше только Кокташ.
Он стоит неподвижно и грозно века,
Задевая своею чалмой облака.

Если ветер подует — деревья шумят,
Я не слышал красивее этих рулад.
Так о чем же они напевают во мгле,
Может быть, о веках отшумевших скале?

«Насмотрелась я ужасов, — пела скала, —
Жизнь былая моя — только холод и мрак:
Помню время, когда за ремни от седла
Приобрел Джеаматскую землю мурзак.

За убийство тирана, — молва говорит, —
В эту землю закопан живым был джигит.
И не слуги тирана, не хитрый мулла,
Мать отпела его и отпела молва...»

Если ветер соленый, поднявшись с лугов,
Движет черные тучи свои на Азов —
Начинает Кокташ свою гневную речь
О погибшем джигите, о были седой.
И поэмка метет по скале, как картечь...
Но все выше заря над ее вышиной.

Словно солнце другое глядит с вышины.
Песни-крылья отныне Кокташу даны.
Это песни о далях иных, золотых,
На рассвете однажды подслушал я их.

«Пой, Кокташ! Снег сошел, и растаяли льды,
И подрублены корни навек у беды.
Час рассветный народу в глаза заглянул,
Черный день наступил для муэдзинов и мулл,
Свято скорбную память в душе мы храним
О джигите.

В сердце он остался живым.
Безработные муллы, забыл вас народ...»
Так скала в вышине свою песню пост,
И над нею высокое солнце встает.

Д О Р О Г А

От солнца, как зеркало, ярко сияя,
Бежит к горизонту дорога степная.
Палван, ее строивший, смотрит устало,
А дел у палвана осталось немало.

Куда же девались ухабы и ямы,
Болото, где тлели густые туманы?
Откуда здесь поле в зеленом разливе,
Откуда здесь столько моторов на ниве?

Громадные лемехи сквозь камыши,
Сквозь злой солончак неуклонно прошли.
И вот по дороге весны и воды
Звонят и цветут молодые сады.

В жару задыхался, от холода трясся,
О смелый джигит, ведь твоя это трасса.
И ныне я знаю,
Провел ты ее
Не только сквозь степь — через сердце мое.

Несутся машины по зною и лету,
А кажется — мчатся они по паркету,
И друг мой Кедай подбирает слова
И мне восхищенно твердит: «Какова!»

От дали до дали, от лога до лога
Блестит, словно зеркало, эта дорога.
Палван,
Я «спасибо» тебе говорю
За то, что дорога уводит в зарю!

ПРИШЛА ВЕСНА

Сегодня к нам опять весна пришла,
Пришла,
 повсюду справив новоселье.
По городу, по улицам села
Безудержно торопится веселье.

Наверно, в нашей жизни
 только раз
Бывает, только раз весна такая —
Вот почему я радуюсь сейчас,
Тепло ее всем сердцем принимая.

Весною этой светлой
Дверь открыл
В загадочные дали мироздания,
Открыл —
 и во Вселенную ступил,
Земли увидел синее пыланье
Сын соловьиной Родины моей.
Он сделал шаг в иное измеренье
Туда, туда, где нет ночей и дней,
А есть лишь звезд далеких притяженье.

Весна, что дверь открыла в новый век..
И, следуя великому примеру,

Я знаю: скоро, скоро человек
Дотянется до Марса и Венеры.

Пришла весна, цветами залита.
Судьбой ей уготовано бессмертье.
Исполнилась заветная мечта —
Космическое началось столетье.

В ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Солнце, что восходит летом рано-рано,
Видно, притомилось литься неустанно.
В разном одеянии каждая поляна,
Потускнело зеркало речек от тумана.

Хлопок, словно пена белая, густая,
И звенит над полем песня молодая.
И по морю белому, что лежит без края,
Корабли поплыли, хлопок собирая.

Столько всюду красок, столько всюду света,
Что глаза затмила мне картина эта.
Столько в сердце света, столько в сердце лета,
Песней вдохновенной грудь моя согрета.

Белая верблюдница на зеленом лоне
Времена былые вспоминает в дреме.
Солнце — плод созревший там, на небосклоне,
Медленно садится людям на ладони...

ИЗУМРУДНЫЙ БЕРЕГ

Без конца и края берег.
Вдоль него бегут вдаль
Виноградники с садами и холмы, как корабли...
Широко они шагают через гомон, через тишь,
До крутого горизонта черепицы новых крыш.
Клубы дыма над домами упираются в закат,
Словно низко над землею чудо-лебеди летят.
Светят лампочки ночами,
Что для нас Ильич зажег.
Кажется, что это вставлен в окна

солнышка кусок.

Левый берег... Правый берег... И на этих берегах
Плавно движутся машины
В белом хлопке, как в снегах —
Снега, снега, снега в поле
Подымается гора!
Я готов глядеть на это от утра и до утра,
Где вдоль берега по хлопку растекается жара —
Белый день висит над полем

легче птичьего пера.

Льется жар густой, каленый, льется жар—не продохнуть
Хорошо в тени прохладной под чинарой отдохнуть.
Изумрудный светлый берег — то хлопчатник, то стога,
То чинары голубые, то широкие луга.
Изумрудный, светлый берег, лишь тобой душа полна.
В сердце радость нарастает, как звенящая волна.

М О И С Л Е Д Ы

М О Я М О С К В А

Москва.. Москва, любимый город мой,
Тебя нередко навещаю я.
Как песня, вспоминается порой
Рабфаковская молодость моя.
Москва родная, был я с юных лет
Твоей любовью щедрою согрет,
Ведь ты меня не только одного
Растила, словно сына своего.
Вот я брожу по улицам твоим
И многих мест уже не узнаю,
И снова становлюсь я молодым,
Когда встречаю молодость твою.
Пусть голова моя теперь седа,
Но ты зато, как прежде, молода.
И к твоему сегодняшнему дню
Я голову, как прежде, преклоню.
Ведь зажжены все звезды на земле
От той звезды, что светит на Кремле.
Вернула ты мне молодость, Москва,
Вдохнула в грудь заветные слова.
Москва, Москва, я по тебе хожу.
И словно ветром юности дышу.
Москва, иду на свет твоих огней,
Иду как будто к матери своей.

МОИ СЛЕДЫ

Мои следы...
Я временем связал,
Следы, что я терял поодиночке,
Я их собрал, я им дыхание дал,
Преобразив их в песенные строчки.
Когда сомкну усталые глаза,
После меня останетесь вы в жизни.
И все ж я говорю без укоризны:
«После меня?..
Да кто же я? Роса?
Или зерно, невидимое глазу?..»
И медленно мой прозревает разум:
«Кто я?
Что я?
Окаменевший бег?
Искатель? Гость,
Любящий жизнь все годы?
Кто я?..»

Обыкновенный человек,
Доверчивое детище природы.
Рождаться нам велит судьба нль рок,
А раз рожден — шагай по жизни смело.
Чтоб лег твой след неизгладимый впрок,
Не знай ни в чем ни страха, ни предела.
А от того, кто «якает» всегда,
Не остается в жизни и следа.

Мои следы — в душе моей, во мне.
Нет тяжелее их и нет роднее,
Ведь я следы оставил на земле,
Чтоб путь других был легче и прямее,
Что б ни было, но все свои года
Я шел вперед по ленинской дороге...
Вручал перу заботы и тревоги.
Мои следы — следы того труда!
Мои следы — это мои цветы
За трудную с невзгодами
 победу.
Я их растил, чтоб мой потомок, ты
Свой путь сверял
 по дедовскому следу

НЕСЧАСТНЫЙ

I

Хочу — и не могу припомнить я,
Кто мне сказал «несчастный» не тая .
Ни жалости своей, ни умиления.
«Несчастный»,

— мне твердили без конца,

И я не помню своего отца.
Дождлся моего отец рожденья,
и умер...

А потом скончалась мать.
И я подрос, и начал понимать,
Что я, «несчастный», обделен судьбою.
И с этим словом свыкся потому,
Как тот слепец, что вечной слепотою
От дня отторгнут, погружен во тьму.
Без матери я вырос, без отца.
Несчастный, был похож я на слепца,
Что окружен туманом беспросветным,
Что от потемок вечных изнемог
И потому в жестокий верит рок,
Пред горем оставаясь безответным.
Но жизнь — река; она водой живой
Гранит шлифует крепкий, вековой.
Закон есть у вселенной непреложный,
Застывшего и вечного в ней нет,
То все во тьме —
то снова вспыхнет свет...

И стер подошвы пылью я дорожной,
Среди камней, среди зеленых нив,
Шагал я,
 взгляд упрямо устремив,
В рассвет степей...
А все ж за мной «несчастный»
Тянулось неотступно по пятам,
Хоть отдал сердце я прямым путям.
Есть в жизни некий ритм, что несогласный
С покоем...
Тишина стоит, но вот
Рванулся ветер и деревья гнет.

II

Не может память вызвать образ твой,
Воображенья сладостен покой.
Припомнится порою еле-еле
Как кто-то первым (кто не помню я)
Сказал «несчастный», слезы не тая,
Склонившись надо мной у колыбели.
О, если бы в лицо тебя я знал,
Слова б тебе от всей души сказал:
— Скажи, кто назовет теперь «несчастный»?
Кто был несчастен,
Чья судьба как лед,
Кого замучил беспросветный гнет,
Кому бедой грозило ежечасной —
Тот умер, тот ушел.
 Остался я,
Вкусив от чаши полной бытия.
Я горе знал, я лил украдкой слезы,
Мне сердце обжигал порой мороз,
И все же, не боясь невзгод, я рос,
Вытаскивая из подошв занозы.

Сегодня чист и ясен мир вокруг.
Мне каждый встречный —
Кровный брат и друг,
«Несчастный» умер, и остался я,
Родился вновь по воле Октября
Уже иным—к большой борьбе причастным,
Двойник того, кто родился «несчастливым»
И заново судьбою был рожден.
Мой факел счастья
Октябрём зажжен...

П Р И Д И

С детства люблю я ходить по горам,
Видеть вершины в беспнежье весеннем,
Радуюсь я облакам и громам,
Птиц я поздравить спешу с новосельем.

Вижу вершины — одну за другой,
Скалы крутые стоят, как солдаты.
Знаю: неведом им страх никакой,
Возле подножий их гаснут закаты.

Вижу — направо леса и луга,
Вижу ущелье с рекою налево.
Как мне родная земля дорога
Тягой призывной степного напева!

Мил мне могучий пейзаж Брич-Муллы,
Дерево то,
Что тоску разбудило.
Так одиноки бывают орлы,
И для меня пострашнее хулы
То, что меня ты теперь разлюбила. .

Слышишь, приди!
Мы с тобой поспешим
В горы, как в детстве, прозрачности рады.
Голос мой старый с твоим молодым
Пусть же сольется под гул водопада. .

САМАРКАНД

Тебя всем сердцем полюбил, .
Мой древний Самарканд,
И летний зной, и первый снег,
И осень, и весну,
Тебе с любовью посвятить
Свои стихи я рад..
Быть может, долг любви моей
В строке тебе верну.
Когда кровавый над страной
Войны взошел закат,
Нашел тебя я, мой степной,
Мой славный Самарканд.
Тебя увидел наконец,
И ты сказал: «Салам!»
«Не сирота ты!»—как отец,
Сказал Гафур Гулям.
И те слова в груди моей
Гремели, как гроза.
Не видели печальных дней
С тех пор мои глаза.
В кругу друзей,
В кругу семьи
Я горестей не знал,
Окрепил силы здесь мои —
Я Человеком стал.
Весна в садах огни зажгла,

Озвучив тишину.
И ласточки-гонцы тепла
Украсили весну.
К заводу своему
Иду,
Как к юности своей,
В благоухающем саду
Пой громче, соловей!

Эта жизнь — как бесконечный путь,
То с горы,
То в гору, вверх опять,
Смотришь ты назад, взойдя на круть..
И в груди горенья не унять.
От тоски в глазах мутится свет;
Дни проходят, словно караван,
В памяти твоей оставив след,
Жизнь твою, словно листву буран,
Век развеет — улетит листва,
Редкие останутся слова..
Если остаюсь я без друзей,
Сердце — словно в море легкий бриг,
Думаю о верности твоей,
Я, встречая родичей твоих.
Без тебя остался из-за них.
Не сумела с ними ты понять:
Не нужна мне тишь да благодать.
Для борьбы, для битв, для крутизны
Смелые джигиты рождены!

КУРТ-ДЕДЕ

Это было или нет?
Где — и сам не знаю где,
Жил-был дед, хороший дед,
Звали деда Курт-деде.
Сытый (голодом был сыт),
Дом его был небом крыт,
Годы в бедности влача,
Он работал с ранних лет
У Худая-богача...
И спешил к быкам чуть свет.

Дед Худая говорил:
«Извелась моя душа,
Из последних бьюсь я сил —
Только денег ни гроша!

Я молю тебя, Худай,
Мне, Худай, не нужен рай,
Ты такой работы дай,
Чтобы денег—через край!»

И в достатке, и в беде
Глух Худай, и нем Худай,
Не старайся, Курт-деде —
Глуховат он к слову, «дай!».

Но не ведал Курт-деде
Про Худая правду ту,
И хвалил мулла везде
Старика за доброту.

Но не зря гласит молва,
Глух мулла и нем мулла.
Глуховат он, как Худай,
Если скажешь ему: «Дай!»

Да, скупей Худая нет —
Не дождешься и гроша.
Наш Худай уж столько лет
Для работников — гроза!

Жил в селе — там счастья нет
И подался в город дед.
Там и понял Курт-деде:
Счастья нет ему нигде!

Как-то с думой о селе
Шел деду навеселе,
Видит — заяц под кустом
Словно капля под листом.

Размечтался тут старик,
Размечтался от души —
То — дворец пред ним стоит,
То — скакун пред ним стоит,
В общем, видит миражи.

Думы в сердце, словно мед:
«Эх, зажить бы без забот.
Говорили бы везде:
Стал богатым Курт-деде.

Как же мне его поймать,
Зайца с маленьким хвостом
И кому-нибудь продать
На базаре городском!»

Так он думал от души:
«Кур куплю на барыши.
Будут курочки нестись,
Будут денежки на жизнь.

Если куры по утрам
Закудахчут: «Курт-Курт-Курт».
Этих кур я не продам;
Пусть цыпляток заведут.

Осень будет — подрастут
На насестах у стрехи.
Глядь-поглядь — и тут как тут
Будут куры, петухи —
Молодые женихи!

— Цып-цып-цып! — их буду звать,
Прибегут — кудах-кудах!
Столько их — не сосчитать
На насестах,
На шестах!

На базар свезу я их,
Ведь не зря я — Курт-деде!
— Эй, хозяйки, вы таких
Кур не купите нигде!

Деньги, деньги знают счет,
И в базарный день (к концу)
Для хозяйства на приплод
Я куплю себе овцу.

А весною через год
Я с овцой продам приплод,
Золотой деньгой звеня,
Я пойду искать коня.

Этот — хром, тот — нехорош...
И под вечер во хмелю
Не найду коня, ну что ж,
Сбрую конскую куплю.

Я уздечку привяжу
Вкруг столба, печаль гоня.
Нет коня!
— Ну что ж, — скажу, —
Буду сам я за коня.

Я в работе знаю толк.
Не храня на сердце зла,
Вот возьму я денег в долг
И куплю себе вола.

Разве беден я и гол?
Конь в хозяйстве есть и вол.
Вол, трудись, работай знай,
Конь, тяни — все нипочем!

Будет добрый урожай —
Сразу стану богачом.
Был — слуга — и нет слуги.
По плечу
 все богачу.
Все хозяину долги
До копейки уплачу!

Мне в ярме быть ни к чему,
А не так — скажу ему:

Это поле — не твое,
Не твои хлеба растут,
Не твое шумит жнивье.
Знай, в него
 мой вложен труд!

—Что?—воскликнул в гневе он.
Я ему: «Пошел ты вон!
Я — хозяин, а не ты...»
Тут косой наш —
Шмыг в кусты.

Ах ты старый Курт-деде,
Размечтался о пустом.
Где, скажи, твой заяц, где?
Лишь вильнул тебе хвостом.

Без намека сказки нет,
Но семь бед — один ответ.
О пустом мечтать не след:
Заяц был — и зайца нет.

МИНИАТЮРЫ

ЖЕЛАНИЕ

В тени чинары отдыхал когда-то прадед мой,
Затем — мой дед, затем отец, затем и сын, и внук...
О, если бы моя строка была чинарой той,
Я б знал, что не напрасно жил на этом свете, друг.

О ЛЮБВИ

Ты ей сказал:—Люблю тебя все дни
Она смолчала, чтобы скрыть смущенье.
Казалось, в целом мире вы одни,
Одни, но мир вас слушал в это время.

ЛЕНТАЙ

Отец сказал, чтоб младший сын воды подал ему,
А тот сказал:—Есть старший брат, он—первый потому.
А старший сын:
— Мой брат лентяй законченный вполне.
Вы сами встаньте,
а затем подайте кружку мне.
Ну что ж, лентяй — всегда лентяй,
поговорка не лжет.
А тот, кто трудится, тому —
и песня и почет!

МОСТ

Огромный мост соединил два берега крутых,
Два берега: рождение — смерть; один — для всех живых.
Лишь тот,
Кто любит край родной,
 на нем оставит след,
А тот, кто предал в трудный час —
Пусть с моста — головой...

ВОПРОС И ОТВЕТ

Гляжу на мрамор — жизнь вдохнул в него
Суровый мастер, ум и мастерство.
У встречного спросил,
 кто мастер тот:
— Сто лет, как умер он, а труд его живет!..

ЦЕНА

Розовый мрамор столетья лежал среди скал,
Мастер над ним никогда не склонялся в заботе.
Ведь камень есть камень,
 живым потому и не стал.
Вот так и тебя оценит народ по работе...

ВОПРОС

Сказали деды:
 —Конь падет—останутся подковы.
А если вдруг джигит умрет,
 то остается слава.
Скажи, мой друг, если умрешь без жажды непокая,
Оставишь что потомкам ты, если подумать здраво?

ПРОТИВОРЕЧИЕ

Когда прожили вместе век, сказал вдруг муж жене:

— Всю жизнь свою я без любви
с тобой прожил, не скрою.

Жена ответила:

— О том сказала сердце мне!
Моя любовь мне сил дала,
чтоб век прожить с тобою.

О ДРУЖБЕ

От дружеской ты плачешь правоты.

Ложь недруга: «Все, — говорит, — прекрасно!»

Без друга — одинокий колос ты,

Нет друга —
значит, жизнь прожил напрасно.

Ч И Н А Р А

Чинара, чинара,

могучая песня, чинара,

Вершины тебя охраняют от ветра, от стужи и жара.

К тебе я пришел, под тенью разлегся устало,

Чтоб ты, надо мной, как палван крепкожилый, стояла.

Чинара, чинара,

с ветвями густыми чинара,

Звенит в моем сердце немолчно, как струны дутара,

Могучая радость в груди моей бьется упорно —

Так сердце стремится на звуки призывного горня.

Чинара, чинара,

упругая телом, чинара,

В тени ручеечек несмело звенит и устало.

Пришел я к твоим обветренным листьям крылатым,

Тревожишь ты сердце мне чистым своим ароматом.

Чинара, чинара,

к тебе с сыновьями, с женою

Пришел я сегодня. Пришли мои внуки со мною,

Всегда отдыхаем мы вместе с тобою, чинара;

Сердца вдохновлять —

нет в жизни прекраснее дара.

Чинара, чинара,

взметенная в небо чинара,

Вбираешь корнями тепло ты весеннего пара,

Пришел я к тебе, чтоб воды родниковой и чистой

Испить.

Пусть, как прежде, глаза засияют лучисто.

Чинара, чинара,

тебя полюбил я, чинара,

Тебе — эти строки, вся сила душевного жаря.

О, если бы людям

смогли песнопения эти

Сгодиться, как ты, *

я бы прожил педаром на свете.

МОЯ ГОРДОСТЬ

На улицу я вышел в выходной:
Как на ладони город предо мной,
Со мною рядом ветерок бежит,
И светлый день мне сердце веселит.

Качаются деревья, как челны,
Звенит листвою сердце у весны,
На площади и на углу любом
Спешит подняться в небо новый дом.

Здесь шпили в небеса дворец вознес,
Над городом взметнувшись, как утес.
А в этом доме ясли для ребят,
Здесь каждый камень для меня, как друг,
Вот дети подрастут — и улетят
В огромный мир, что ширится вокруг.

А здесь больница, где не спят ночей
Врачи —

 такое сердце у врачей.
В ней каждый
 их заботами согрет,
Дороже человека в мире нет,
Нет никого...
Укрыты тишиной,

Сияют стены школы
 белизной,
И солнце от утра и дотемна
Сияет мне из каждого окна.
Стоит она, укрыта тишиной,
Как будто отдыхает в выходной,
А завтра вновь
 раздастся здесь звонок —
Другое детство ступит на порог...

ОБЕЩАНИЕ

Дует ветер...

И клен, и ветла
Зазвенели, запели, склонивши вершины,
Осторожная осень пришла
И туманом тяжелым укрыла долины.

Дует ветер...

И листья летят
И садятся, светясь, на холодную землю.
Раздевает сады листопад —
Это время я сердцем озябшим приемлю.

Отшумела на поле страда,
Убран хлеб золотой,
мир наполнен дремотой,
И, почуяв давно холода,
Соловьи улетели —
с густой позолотой.

Дни осенние тоже добры,
Как апрельские дни, тихо нежатся в дреме.
Тот ее получает дары,
У кого в неизменных мозолях
ладони,

Выйду в поле в предутренний час,
Прошагаю по лугу травую сырою,

Осень — это экзамен у нас.
Настежь осени сердце свое я открою.
Я стою на осеннем ветру,
Мир обещан навек мне
 родным и понятным.
А как будто стою на смотру,
Перед родиной в вечном долгу неоплатном.

ИТОГ

ИТОГ

Как радовались мать с отцом, когда родился я,
Как радовались старший брат, и тетки, и дядя.
Мне говорят, что я тогда вовсю кричал, пострел,
И слезы лил, и на родных с улыбкой не смотрел.

А отчего я слезы лил, узнай теперь поди,
Быть может, я испуган был тем, что и паг и сир.
Иль было воздуха всего глоток в моей груди,
Иль, может, думал—чем же я дополнил этот мир.
В дни Октября — я во второй сумел родиться раз.
Он мою душу оживил и от печали спас.
И все, чем в детстве обделен я был на много лет,
Он подарил мне и вернул и смех, и вешний свет.

Пускай я стар, но от тревог светла душа моя,
Передаю вам, сыновья, святую верность я.
Когда закроются глаза, грусть не войдет мне в грудь,
И буду знать я, что для вас есть светлый, верный путь.

Когда последнего пути наступит горький срок,
Своей любви, своим стихам я подведу итог.
Из мира, где тепло и свет,

с собой я унесу
Любовь товарищей моих —
не холод, не слезу.

М О Р Е

В солнечном краю дехкании каждый
Клал поклоны пред водой, печалясь,
Мучил зной его огнем и жаждой,
Ну, а реки мимо, мимо мчались,
Бой с тобой мы начали, природа,
За цветенье каждого побега.
Столько сил и воли у народа,
Что он верил... Шел к тебе, победа.
Долго на земле солончаковой
Не гудели МАЗы на просторе —
А гудел в руках кетмень тяжелый,
Тот, которым вырыли мы море.
Это море, созданное нами —
Столько в нем неукротимой сини, —
Освещает яркими огнями
Каждый дом дехканина отныне.
Вижу я — на волнах ранней ранью
Катеры играют, как дельфины.
В прошлое ведут воспоминанья —
И на это есть свои причины.
Здесь, Аман, с тобою мы когда-то
Вместе песни молодые пели.
Полы полосатого халата
И шинель служили нам постелью.
Бьется в берег вспененное море,
Между гор фиалкою синея,
Нам отсюда завтрашние зори,
Завтрашний рубеж
Еще виднее!

УЧИТЕЛЬ

Учитель дорогой!

Пройдут года,
И будем мы от мест родных далеко,
Но все, кого учили, — никогда
Не позабудут первого урока.

Я сед давно.
Давно уже мой внук
Сидит за партой с просветленным взглядом.
Учитель мой!

Наставник мой и друг,
Вы и сейчас со мной живете рядом.

Спасибо вам за прежнее добро
И за слова учения простые,
Когда вы дали мне свое перо ---
Я написал стихи свои впервые.

Учитель мой!

Навек в судьбе моей
Звездой путеводной стали, знаю;
И вас в толпе средь тысячи людей
Я без ошибки и сейчас узнаю.

Благодарю, учитель, вас еще
За то, что вы дороже мне с годами.
И как велит душа моя,
за все
Я до земли склоняюсь перед вами.

КАК ЗВЕЗДЫ-БЛИЗНЕЦЫ

Стоят рядами новые дома,
На звезды-близнецы они похожи.
Им красота, им высота дана —
Мне оттого они еще дороже.

Стоят они, светлы и высоки —
Их никогда забыть не захочу я.
Сияют окна их, как маяки,
Красивей всех в поселках Мирзачуля.

Здесь шелковой листвою деревца
Звонят, как будто где-то у проселка,
И молодые песни и сердца
Озвучили все улицы поселка.

В грядущее мечты устремлены,
Не зря ведь молодое поколение
В высокий, напряженный пульс страны
Включило и свое сердцебиенье.

Да, я пишу, волнуясь и спеша,
Пишу не модным веяньям в угоду.
Ведь стих —
Это раздумье и душа
И верное служение народу.

ЗВЕНО ЛЮБВИ

Когда-то на окраине села
Мы посадили яблоневый сад,
Чтоб раскален весною добела,
Мел по селу душистый цветопад.

Я землю обновить пришел сюда,
И восемнадцать было мне тогда,
Не знал я, робость на сердце храня,
Что встретит здесь твоя любовь меня.

Я обликом твоим был поражен,
Нигде красы такой я не встречал,
Словами песни из седых времен:
— Иди ко мне и стань моей! — сказал.

Поэты всех времен, певцы, они
Влюбленных воспевали, не дыша,
Лишь голосу забытому сродни
В разлуке позабытая душа.

Не разлучаться многим ли дано?
Но встретиться влюбленным суждено.
Любовь свою сквозь годы я пронес —
И стала жизнь моя долиной роз.

И сын, и дочь — они в любви моей,
Звено нерасторжимое тех дней.

Всего два слова прошептала мне,
Но книгу сердца своего раскрыла,
Я слушал, не дыша, наедине,
Скорбя, что ты печальна и уныла.
И я прошу, мой друг, меня простить:
Не знал, как~~ж~~а боль тебя тревожит.
Когда бы мог тебя я исцелить,
То заслужил любовь твою, быть может.
Рукой до звезд не дотянуться, нет,
Любви исток мне видится в тумане.
Той, первой,
Чей вовек не гаснет свет,
Пусть держит нас она в своем капкане.
За друга умереть,
За друга стать,
Чтоб жизнью подтвердить любовь и кровью!
Но и себя должна ты уважать —
Нельзя любить униженной любовью.
А тот, кого ты любишь, — далеко,
И стала жертвой
Ты его обмана.
Пусть он любил, но отлюбил легко.
Пусть отболит твоя любовь, как рана.
Когда бы смог твой излечить недуг,
Себя бы я считал счастливым смело.
О, если б ты мне улыбнулась вдруг —
Душа б моя проснулась и запела...

В Е Т Е Р О К

Асфальт размягчился — и чуть не кипит от жары,
И я, задыхаясь от жажды,
По старой и пыльной дороге
Шагаю устало, как будто на гребень горы.
Как будто покинули силы, ослабли и руки и ноги.

Внезапно прохладой зеленой пахнул молодой ветерок,
Но лишь полегчало,
Как тут же промчался он мимо..
И снова шагаю, хотя от жары изнемог,
И солнце печет так,
Что тело горит нестерпимо.

Когда мне казалось, что я средь людей одинок,
Ты вновь предо мной появилась
И снова манила улыбкой.
Когда же надежды звезда засияла,
Как тот ветерок,
Ты мимо прошла и былое назвала ошибкой.

(
Тогда я не ведал, тогда я не думал, любя,
Что срок моей радости — миг,
Что сердце печалью хранимо.
И я одиноким почувствовал снова себя.
Хотя в моем сердце пылает твой взгляд негасимо.

ВДОЛЬ РЕК

На зеленых берегах
Вдоль быстрых рек
Слышен шум отар и птичья щебетня.
На луга не наглядеться мне вовек,
Мир окрестный —
 песней в сердце у меня.

Если горе на душе или тоска —
Одиноко сердце, словно сирота —
Разве будет и спокойна и легка,
Не померкнет разве мира красота?

Если сердце задохнется от тоски
И печали,
Значит, сердце — сирота:
Седины добавит горе на виски,
Мир окрасится в вечерние цвета.

Голова моя покрыта сединой,
Шестьдесят уже бессоннице моей,
Шестьдесят — дорога, пройденная мной.
Пыль былого — седина —
Муки белей.

Пусть старею
 и уже слегка устал —

Молодеет жизнь моя день ото дня.
Как хрусталь глаза,
А сердце — Гулистан,
Здесь поля слагают песни для меня.
На зеленых берегах вдоль быстрых рек
Слышен гул отар и птичья щебетня.
На луга не наглядеться мне вовек
Молодеет снова сердце у меня.

ИДЕТ КАРАВАН

Когда говорят — идет караван, идет караван средь степей,
То вижу рыжих верблюдиц я, усталых вижу коней.
Когда ракетой наш караван мчит сквозь простор вперед —
Скакун ему уступает путь,
Уступает путь пешеход,
Идет караван, идет караван —

так реки спешат в моря.

Трепещут плакаты на каждом авто,
Красные, как заря,
Идет караван, идет караван — пылает над ним восход,
Он новые силы и новую жизнь песне моей дает!
Идет караван, идет караван стремительный, как пурга,
И кажется, это

сама зима в город ведет снега.

И в сердце всходит солнце весны,
Радостью полон взор,
И кажется: крылья растут у меня превыше высоких гор.
Идет караван, идет караван, как песня степных дорог,
Неукротимый этот поход напорист, словно поток.
Раскрыв объятия, ждет горизонт—солнечная страда.
Не оттого ль душа молода и песнь моя молода?
Идет караван, идет караван, идет караван с полей,
«Белое золото» он везет,
Снега оно белей.

Поэт, ты сердце ему отдай и песню свою отдай,
Пусть будет весомой строка твоя, такой же, как урожай.
Идет караван, идет караван...

НА ВЕЛИКОЙ ДОРОГЕ

Я бродил, пыль вздымая широких дорог,
Только годы скитаний забыть я не смог.
К горизонту, к истокам любимой земли
Шли дороги,
Меня за собою вели...
Я стремился к единственной цели своей.
Видел я, как рождалась заря из лучей.
Мне тепло...
Это нежная сила тепла
Пелену слепоты с глаз моих убрала,
И, прозревший от солнца,
Согретый теплом,
С громким голосом,
Песней в дорогу влеком,
Понял я, что еще мне шагать и шагать
И себя, как весну соловей,
Окликать.
Все яснее, все ближе грядущего свет.
На великой дороге великих побед.
Если я не увижу его,
Не дойду, —
То, друзья, вас прошу:
В том далеком году,
В светлый праздничный срок,
Среди нового дня,
Вы, счастливые,

Вспомните все же меня,
Как грядущего ждал я, работал, мечтал.
Как я песней своей
Вам в пути помогал.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Письмо к внуку	5
Вечный огонь	7
У могилы солдата	9
Братская могила	11
Мой друг	13
Джигит	15
Последняя встреча	16
Когда тебя вспоминаю	19
Обычный дом	21
Стальной джигит	23
Сердце матери	27
«Казалось мне, что прошлое—мираж...»	32
«Родная, лишь вспомню тебя в тишине...»	33
Еще тогда	34
Раздумья	35
Давайте, друзья	37

НА РАССВЕТЕ

«Ты меня не обижай своей насмешкой...»	39
На рассвете	40
Увидел тебя	41
«Любовью, а не цепью до конца...»	42
«Чтоб я ни говорил...»	43
Я хочу	44
Роза	45
Пой соловей	47
Рядом	48
«Попробуй птицу выпустить зимой...»	49
След	50
В такой вечер	52

Урюк	53
Куда бы не глянул	55
Скала Кокташ	56
Дорога	58
Пришла весна	60
В осенний день	62
Изумрудный берег.	63

МОИ СЛЕДЫ

Моя Москва	64
Мои следы	65
Несчастный	67
Приди	70
Самарканд	71
«Эта жизнь—как бесконечный путь...»	73
Курт-деде	74
Миниатюры	79
Чинара	82
Моя гордость	84
Обещание	86

ИТОГ

Итог	88
Море	90
Учитель	91
Как звезды—близнецы.	92
«Ты келью одиночества мою...»	93
Звено любви.	94
«Всего два слова прошептала мне...»	95
Ветерок	96
Вдоль рек	97
Идет караван	99
На великой дороге	100

Абдуреим Алтанлы

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

СТИХИ

Перевод с крымско-татарского

Редактор В. Шевченко

Художник Д. Афуксиниди

Худ. редактор А. Бобров

Техн. редактор Н. Джураева

Корректор Т. Красильникова

Сдано в набор 22/XII—75 г. Подписано в печать 25/III-76 г.
Формат 70×108¹/₃₂. Печ. л. 3,25. Усл. печ. л. 4,55. Уч.-изд. л. 3,04.
Тираж 5000. Издательство литературы и искусства имени
Гафура Гуляма. Ташкент, Навои, 30. Договор № 192—74.

Отпечатано в типографии им. Морозова Госкомитета УзССР по де-
лам издательств, полиграфии и книжной торговли на бумаге № 1.
Самарканд, Кузнецкая, 82. Заказ № 5400. Цена 36 к